

УДК 930.2

ФРАНЦУЗСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В КОНЦЕ XX ВЕКА: ПОИСК ПУТЕЙ СОЗДАНИЯ ОБЩЕЙ КАРТИНЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО

С.А. Ульянов

Аннотация

В статье дан анализ путей создания общей картины исторического прошлого в рамках «критического поворота», прозвучавшего в начале 90-х годов XX в. В статье исследованы методологические основания «критического поворота» и принципы экономической теории конвенций применительно к формированию общей картины исторического прошлого. Делается вывод о том, что использование принципов и исследовательского опыта экономической теории конвенций в социально-историческом исследовании является возможной основой для создания целостной истории, соединяющей макро- и микроанализ социального пространства.

Ключевые слова: макро- и микроанализ, экономика конвенций, интеракции, кризис структурализма, компетенции, координации, конфликт, история, социология.

Бурный процесс развития социальных наук после Второй мировой войны привел к приоритету междисциплинарных исследований, пик которых пришелся на 80-е годы XX века. Стремительное расширение междисциплинарных методов изучения общества и ориентация на издание работ, востребованных читающей публикой, привели к появлению большого количества исторических трудов, результаты которых мало соотносились с результатами исследований других историков и не имели общей теоретической базы (см. [1, р. 15]). Обозначенный путь развития не позволяет осуществить основные функции истории как науки, поскольку не дает возможности создать представление об истории как о целостном процессе изменения человеческого общества во времени.

Направленность развития социального знания в конце 80-х годов XX в. была связана с изменением отношения к поиску оснований самого человеческого бытия и познания. Знание само по себе определяется сегодня не как возможность контроля над внешними по отношению к сознанию процессами, а как диалог познающего и познаваемого, в котором активно задействованы ценностные системы. Кроме того, развитие современной цивилизации, связанное с повышением значимости отдельного человека, актуализировало вопрос об изучении процессов самоорганизации человеческих сообществ и роли личности в решении социальных проблем. Именно этим объясняется интерес к микроистории, позволяющей реконструировать процессы самоорганизации людей в прошлом.

Обозначенная тенденция имеет общий характер и распространяется не только на исторические исследования. Отказ от структуралистской методологии и переход к герменевтико-феноменологической модели исследований произошёл и в социологии. Это привело историков и социологов к необходимости изменить привычную модель исследований, ориентировать их на изучение общественных процессов как деятельности субъектов, исходящих в своих действиях не столько из рационально осознанных социальных или экономических интересов, сколько из своих представлений о себе и о мире, в котором они живут. Однако одновременно ставилась задача сохранения целостного систематизированного знания. В историографической литературе это явление получило название «критический поворот» или, в другой редакции, «прагматический поворот».

«Критический поворот» был направлен на поиск различий между социальными науками и на предельно четкий отбор используемых методов и «масштабов» исследования. В результате у каждой науки должны были остаться приоритетные методы и предмет, которые, пересекаясь с предметом и методами другой науки, тем не менее позволяли сохранить идентичность дисциплины. Реализация этой цели требовала четкого понимания предполагаемых результатов исследования и в соответствии с этим методологической обоснованности анализа [2].

Для того чтобы учесть все эти требования, необходимо было создать новую модель исторического исследования. Согласно представлениям Бернара Лепти, господствовавшая в предыдущие десятилетия в структуралистской программе систематизация социального пространства являлась внешней по отношению к анализируемому миру [3, с. 153]. С ним солидарен Роже Шартье, утверждавший, что реконструировать социальный мир можно только через частную ситуацию, благодаря которой выявляется «логика и стратегия действий сообществ, родственных групп, семей, индивидов» [4, с. 194]. Предполагалось, что горизонт индивидуального опыта индивидов и семей формирует сети отношений, исследование которых знаменует переход на макроуровень социальной действительности. Варьирование масштабов рассматривалось как главный механизм исторического анализа. Реальная практика, тем не менее, привела к снижению интереса к масштабным преобразованиям в наметившемся русле, но идеи «критического поворота» по-прежнему остаются актуальными; их развитие необходимо для решения тех проблем, которые возникли ещё двадцать лет назад. В настоящей статье нас будет интересовать методологическая сторона изучаемого явления.

«Критический поворот» стремился обойти жесткие структуры, основанные на идеях структурализма, поэтому в качестве базиса новой научно-исследовательской программы были выдвинуты идеи экономики конвенций. Экономика конвенций существенно изменила подход к вопросам функционирования общественных процессов, отказавшись от структурализма. Основательную модернизацию структурализма предпринял еще Пьер Бурдьё, но в его методологии по-прежнему существовала зависимость человека от структур, которые направляют его действия и достаточно жестко ограничивают представления, лишая его активного выбора [5]. В отличие от него Люк Больтански, работая в те же годы над нашумевшей книгой «Кадры», стремился полностью выйти из рамок

структурализма. Заметив в ходе исследования существенную ограниченность идеи *хабитус* (*habitus*), развиваемой Бурдьё, Больтански совместно с Лораном Тевено провел анализ того, как происходит осуществление социального выбора через нормы договоров. Особое внимание исследователей было направлено на социальный протест, возникающий в границах публичного и индивидуального пространства, в котором можно было увидеть способность социальных субъектов выбирать стратегию действия и ее оправдания [6, р. 60]. Динамичный подход к структуре социальных связей должен был восстановить естественные представления о социальных отношениях во всей их полноте и преодолеть искусственное противопоставление регулярности социальных изменений и возможности индивидуального выбора [7].

Появившись в конце 80-х годов, экономическая теория конвенций находит все больше сторонников. В ее работке участвуют также Оливье Фавро, Франсуа Эмар-Дюверне, Андре Орлеан и др. Их социальная концепция захватывает пространство коллективной репрезентации и позволяет согласовать межличностные отношения, а также отношения между микрогруппами в рамках определенного социального или административного института [8]. Изучение всевозможных социальных обменов, социальных координат различных конфигураций, динамики ценностей, значение которых очень велико, создают возможность координации общественной деятельности через снижение неопределенности [9].

Важную роль в изучении социального пространства играет проблема конфликта, который определяет основные направления изменения общества. Конфликт отражает мир представлений социальных субъектов, поскольку лежит в основе выбора стратегии поведения в сложной ситуации, а следовательно, включает механизм воображения и поля опыта. Конфликт между участниками социального действия рассматривается через понятие норм, которые переходят из области морали в область юриспруденции [10]. Эти представления формируются на основе индивидуальных действий, решений, перерастая постепенно в устойчивую общественную практику, переходя с микроуровня на макроуровень и очерчивая границы пространства взаимоотношений. Справедливое и несправедливое в этом контексте определяет области легитимности и нелегитимности, которые становятся базовой оппозицией в социальных отношениях. Эта оппозиция в свою очередь дополняется динамическим характером компетенции социальных субъектов в области социальных договоров, что выражается в возможности выбора противостояния принуждению либо его принятия [11].

Исследования показали, что выбор путей разрешения социального конфликта является многоуровневым, однако он определяется значимостью субъектов социального действия. Важным является обоснование действий последних в рамках определенной системы оправдательной аргументации или, более емко, режима оправдания. В ходе общественных дискуссий субъект социального действия апеллирует к легитимности своих действий и аргументов, выстраивая определенную иерархию ценностей, к которым он обращается с целью оправдать в социальном пространстве одно действие и раскритиковать другое.

Всего удалось установить шесть характерных для французского общества режимов оправдания, каждый из которых в случае использования должен быть признан членами общества, в котором действует тот или иной социальный

субъект: гражданское оправдание, основанное на принципе равенства и коллективном решении (Руссо); промышленное, основанное на принципе производительности (Сен-Симон); семейное, основанное на принципе доверия в межличностных отношениях (Боссюэ); оправдание мнением, основанное на признании действий другими в рамках общественных отношений (Гоббс); предпринимательское, основанное на принципе рыночной эффективности (Смит); оправдание вдохновением, основанное на учете творческих достижений (св. Августин) [12]. Исходя из этого можно утверждать, что исследование общественных отношений должно опираться на методы анализа, учитывающих общие социальные представления, которые дают возможность социальному субъекту действовать на основании его компетенции в рамках таких представлений [12, р. 96].

Таким образом, иерархия оценок действий социальных субъектов и аргументации необходимости этих действий определяется существующими режимами оправдания и особенностями применяющих эти режимы социальных групп, или микрогрупп, в традиционном социологическом понимании, или «миров» в терминологии Больтански и Тевено. Конструкция «режимов» выступает как модель, реализуемая в двойной системе координат: индивидуального и публичного пространства, за которыми закреплены определенные режимы оправдания. Необходимость в легитимных конвенциях координации принуждает людей идти в процессе интеракций на создание особых институтов, в рамках которых осуществляется консенсус между несколькими способами координации: регулирующие органы государства, община и др. [13, с. 23].

Однако необходимо учитывать, что один и тот же человек вовлекается в различные отношения, определяющие стратегии его поведения, которые варьируются от ситуации к ситуации. Понятие координации значительно ограничивается чувством неопределенности, критическими разногласиями и творческими построениями субъектов социальной деятельности. Кроме того, существуют как приватные, непубличные, так и публичные формы поведения индивидуумов.

Таким образом, определённые социальные институты – это временная форма координации, более всего отвечающая сложившимся условиям. Ситуация, таким образом, отсылает участников социального действия к наиболее адекватным в данном контексте ресурсам осуществления их решений. Востребованные ресурсы, как идеальные, так и материальные, определяются также компетенцией действующих лиц, накопленным ими опытом, способом вхождения в различные уровни организационных форм. Однако нельзя сбрасывать со счетов и подражание, которое может дестабилизировать сложившуюся систему, как это показывает Жан-Пьер Дюпюи на примере паники [14].

Исторический процесс в перспективе вышеизложенной социальной теории представляется сменой форм организации субъектов социальной деятельности, цель которых – согласовать свои действия, опираясь на накопленный опыт. Договор между ними осуществляется постепенно в результате интеракций через череду компромиссов, которая превращается в устойчивую практику, стабилизируя и дестабилизируя социальные отношения в зависимости от всего комплекса задействованных координат (опыт, индивидуальная компетенция, принадлежность к социальному миру, режимы оправдания).

Значительно проясняют форму анализа, применимую в экономической теории конвенций, теоретические разработки таких мыслителей, как Юрген Хабермас и Поль Рикёр. Основывая свои теории на позициях герменевтической и феноменологической философии, последние показали связанность дискурсивной этики с социальным действием и ценностным выбором социального субъекта. Важное место занимает также концепция Рейнхарда Козеллека, предложившего рассматривать опыт определенного общества как неотъемлемую и наиболее важную часть социально-исторического выбора. Как показывает наше исследование, все эти теории, одним из вариантов которых являются идеи экономики конвенций, составляют единый идейный базис, снимающий основные современные противоречия в области социально-исторического анализа.

Как показал проведенный нами анализ, на основе появившихся в 80-е – начале 90-х годов XX в. и развиваемых сегодня идей можно прийти к универсальному социально-историческому знанию. В рамках этого знания учитываются как индивидуальное поведение субъекта социального действия, которое является микроуровнем научного исследования, так и объективные границы его воображения и поведения, которые являются макроуровнем исследования. Такая форма социального исследования может быть признана универсальной для социологии и истории и преодолевает, на наш взгляд, дихотомию, присущую эпистемологии, поскольку из истории формируется «историческая социология прошлого», а из социологии – «социальная история настоящего» [15, p. 203]. Однако целостный подход к историческому исследованию требует также дополнения в виде полноценного использования феноменологической герменевтики, близкой ей концепции «пространства опыта и горизонта ожидания» Рейнхарда Козеллека и политической философии Юргена Хабермаса, которые создают поля для проведения исследования. Итогом целостного анализа будет объединение макро- и микроперспективы социального действия и создание теорий социально-исторического развития среднего уровня с максимальным учетом индивидуального выбора субъекта социального действия. Такие результаты будут способствовать снижению неопределенности в ситуации выбора для современного общества.

Summary

S.A. Ulyanov. French Historical Thought in Late 20th Century: Search for the Ways of Creating a Common Picture of Historical Past.

The article analyzes the ways of creating a common picture of historical past with regard to the “critical turn” of early 1990s. The article views the methodological bases of the “critical turn” and principles of the economic theory of conventions as applied to the formation of a common picture of historical past. It is concluded that the usage of principles and research experience of the economic theory of conventions in sociohistorical research is a possible ground for creating a holistic history combining macro- and microanalysis of social space.

Key words: macro- and microanalysis, convention economics, interactions, crisis of structuralism, competences, co-ordinations, conflict, history, sociology.

Литература

1. *Coutau-Begarie H.* Phenomene nouvelle histoire. Grandeur et décadence de l'école des Annales. – Paris: Economica, 1989. – 340 p.
2. Tentent l'expérience / Redaction // Annales ESC. – 1989. – F. 44. – P. 1317–1323.
3. *Ленни Б.* Общество как единое целое: о трех формах анализа социальной целостности // Одиссей: человек в истории. 1996. – М., 1996. – С. 149–165.
4. *Шартье Р.* История сегодня: сомнения, вызовы, предложения // Одиссей: человек в истории. 1995. – М., 1995. – С. 192–205.
5. *Bourdieu P.* La distinctions: critique sociale du jugement. – Paris: Minit, 1992. – 672 p.
6. *Dosse F.* L'Empire du sens: L'humanisation des sciences humaines. – Paris: La Découverte & Syros, 1995. – 432 p.
7. *Boltanski L.* Les cadres. La formation d'un group social. – Paris: Les Editions DE Minit, 1982. – 523 p.
8. *Thévenot L.* L'action qui convient // Les formes de l'action / Éd. P. Pharo, L. Quéré. – Paris: l'EHESS, 1990. – P. 39–69.
9. *Thévenot L.* Conventions of co-ordination and the framing of uncertainty // Intersubjectivity in Economics / Dir. by E. Fullbrook. – London: Routledge, 2002. – P. 181–197.
10. *Thévenot L.* Justification et compromis // Dictionnaire d'éthique et de philosophie morale / Sous la dir. M. Canto-Sperber. – Paris: PUF, 1996. – P. 789–794.
11. *Boltanski L.* L'Amour et la Justice comme competences. Trois essais de sociologie de l'action. – Paris: Métailié, 1990. – 381 p.
12. *Boltanski L., Thévenot L.* De la justification: les economies de la grandeur. – Paris: Gallimard, 1991. – 483 p.
13. *Тевено Л.* От социального действия к сетям и институтам // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 19–46.
14. *Dupui J.-P.* La Panique. – Paris: Synthé-Labo, 1991. – 115 p.
15. *Noiriel G.* Sur la “crise” de l'histoire. – Paris; Belin, 2005. – 476 p.

Поступила в редакцию
19.11.09

Ульянов Сергей Александрович – аспирант кафедры новой и новейшей истории Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: sergej_uljanov@mail.ru